

ОБРАЗ ВОСТОЧНОГО ПРАВИТЕЛЯ В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

© 2024

А. П. Пручай¹

В статье рассматриваются особенности образа восточного правителя в «Истории» Геродота. На примере сюжетов о варварских царях анализируются методы и источники Геродота. Особое внимание уделено поэтике образа восточного правителя, а также его месту в повествовательной структуре «Истории».

Ключевые слова: Геродот, История, царь, Крез, Кир, Дарий, Ксеркс

Для цитирования: Пручай А. П. Образ восточного правителя в «Истории» Геродота. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 181–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-181-185

ORIENTAL RULER'S IMAGE IN HERODOTUS' "HISTORY"

Alexander P. Pruchai

The article deals with the specifics of the Oriental ruler's image in The Histories of Herodotus. Author uses the example of barbarian rulers' logoi to analyze Herodotus' methods and sources. Particular attention is also given to the poetics of eastern rulers' image and its place in the Histories' narrative structure.

Keywords: Herodotus, The Histories, king, Croesus, Cyrus, Darius, Xerxes

For citation: Pruchai A. P. Oriental Ruler's Image in Herodotus' "History". *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 181–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-181-185

«История» начинается известными словами: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» (I.1).

Как видно, для Геродота вся ойкумена как бы делится на две противоположные друг другу части: мир эллинов и мир варваров, Европу и Азию, Запад и Восток. «Отец истории» действительно является одним из первых античных авторов, обозначивших контуры этой культурно-цивилизационной антиномии [Flower, 2006, p. 167–206]. Противостояние греков и варваров Геродот обозначает как предмет своей *ιστορίη*, пытаясь проследить его причины с глубокой древности, словно доказывая саму естественность этой вражды.

Между тем восприятие варваров у Геродота не так просто; историк уже во введении открыто признает, что и варвары способны на «великие и удивления достойные деяния (ἔργα μεγάλα τε καὶ θωμαστά)» (I.1). В этом контексте особую роль приобретает образ восточного правителя, транслируемый «отцом истории». Обладающий свободой (подлинной или мнимой), восточный правитель

¹ Пручай Александр Павлович, студент 2 курса магистратуры Луганского государственного педагогического университета, Луганск; snowstorm.buran@gmail.com

Alexander P. Pruchai, 2nd year master student, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; snowstorm.buran@gmail.com
ORCID: 0009-0000-4998-7000

в представлении Геродота, с одной стороны, становится наиболее ясным отражением дурных или достойных качеств варварских народов, с другой — позволяет в наиболее чистом виде узреть пороки, вообще присущие человеку.

Кроме того, сочинение Геродота еще с античных времен порождает множество споров, начиная от метода, источников, жанровой идентичности «Истории» и заканчивая вопросом о «добро-совестности» ее автора [Fornara, 1971, p. 13–29]. На наш взгляд, сюжеты о восточных правителях, широко представленные в «Истории», предоставляют возможность наглядно ознакомиться с предметом этих споров [Белов, 2006].

Геродот помещает образ всякого правителя в широкий этногеографический контекст, следуя в этом традиции логографов. Так, например, логос о Крезе завершается описанием природы, построек Лидии, занятий и нравов лидийцев (I.93–95). Историк мастерски вплетает описание природных условий Мидии в структуру логоса о Кире, когда ему нужно указать на место пастбищ, где выпасал скот пастух, спасший младенца-царя (I.110).

Практика личного наблюдения (*αὐτοψία*), особенно популярная среди логографов, превращается у Геродота из сердца всей *ἱστορίῃ* лишь в один из ее методов. «Отцу истории» даже более свойственно опираться не на результаты собственных наблюдений, но на пересказы других очевидцев, которыми часто выступают восточные цари и их соглядатаи (*κατάσκοποι, κατόπται*) (с. г., III.17–25, 134; V.12–13; VII.146–47, 183, 208; VIII.21, 23). То есть автопсия у «отца истории» оказывается не прямой, но как бы многослойной.

Прекрасно видно, что для историка этнология и география играют роль второстепенную, тогда как действительной областью его интереса остаются сами события и личности прошлого. Этим Геродот существенно отличается от своих предшественников-логографов.

На примере сюжетов о восточных правителях также заметна работа «отца истории» с письменными источниками [Белов, 2006, с. 281]. Геродот несколько раз прямо ссылается на данные эпиграфики (с. г., V.59; VII.228) и на сочинения Гекатея Милетского (II.143; косвенно — VI.137). Однако все же прямых ссылок на письменные источники в «Истории» в пять раз меньше, чем ссылок на данные, полученные устно [Geogres, 1994, p. 26].

О работе Геродота с письменными источниками могут косвенно свидетельствовать стилистические особенности его сочинения [Доватур, 1957, с. 13–14]. «История», например, обильна детальными списками и «инвентарными» перечнями с подробными количественными и качественными характеристиками, которые никак не свойственны устной традиции. Значительная часть таких помещена в состав логосов о восточных царях.

Среди примеров — списки посвячительных даров и жертв в логосе о Крезе (I.14, 50–52), список мидийских племен в логосе о Деиоке (I.101), список персидских племен в логосе о Кире (I.125), перечень персидских сатрапий в логосе о Дарии (III.90–95), список отдельных контингентов и народов в составе войска и флота Ксеркса (VII.61–99) и многие другие.

А. И. Доватур отмечал, что Геродоту присуща попытка несколько скрасить сухость используемой им научной прозы: он часто старается разнообразить языковые конструкции при перечислениях [Доватур, 1957, с. 18–22]. Это еще раз подтверждает подчиненность таких списков в «Истории» главной цели Геродота — интересно и подробно изложить события греко-персидских войн через объемные и понятные образы, укорененные в контекст.

Основным источником Геродота в его сюжетах о восточных монархах бесспорно признают устные сведения опрошенных — исторические новеллы, порождения местного фольклора: саги, легенды, рассказы, анекдоты — словом, все то, что сам историк обозначает понятием *λόγοι* [Доватур, 1957, с. 65].

Геродот полагает своим долгом сообщить все услышанное, в том числе те версии, с которыми он сам не согласен или в которых сомневается (IV.42; I.173). «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (VI.152). В логосе о каждом правителе обязательно присутствуют фразы «говорят», «как я слышал» (*λέγεται, λέγουσι, λέγον, φασί, ἔφασαν, ἤκουσα, ἀκούον, πυνθάνομαι* etc.), где историк указывает, что узнал ту или иную историю от местных.

Но иногда он отступает от своего принципа с целью сохранить целостность сотканного образа: «Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впрочем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три» (I.95).

В отдельных случаях Геродот транслирует местную фольклорную традицию совершенно явно, даже не указывая на источник. Так, например, сюжет о спасении обреченного на смерть младенца пастухом очень распространен во всей индоевропейской традиции. А. С. Сапогов усматривает в передаваемой Геродотом версии о спасении Кира значительное влияние восточного митризма и мидийского культа почитания быка [Сапогов, 2007, с. 47]. Приемного отца Кира в «Истории» зовут Митридат, который к тому же является пастухом (*βουκόλος* — т. е. пастух именно крупного рогатого скота). Пастух, в свою очередь, играет существенную роль в традиции персидской [Сапогов, 2007, с. 49].

Геродот упорядочивает передаваемые сюжеты о царях так, чтобы они в первую очередь служили раскрытию темы греко-персидских войн. М. Ланг отмечала, что в «Истории» большинство наиболее выдающихся персонажей развиваются по модели «взлет — падение». В этом исследовательница усматривает существенное влияние на «отца истории» эпической традиции, а также, возможно, современной ему драматургии [Lang, 1944, pp. 120–126]. В рамках этой модели в «Истории» оказываются прежде всего восточные цари, такие как Крез, Астиаг, Кир, Дарий, Ксеркс и пр.

Кроме того, в логосах о восточных правителях прослеживается устойчивая система сюжетных мотивов, среди которых выделяют следующие: мотив надменной дерзости (*ὑβρις*), за которой следует возмездие (*νέμεσις*); мотив наказания (*τίσις*) потомков за деяния предков; мотив мудрого советчика; мотив неизбежности судьбы (*χρεών*); мотив неверного толкования пророчества, изречения оракула, приводящий к краху; мотив нарушения границ; мотив «зависти богов» (*φθόνος*) [Сапогов, 2007, с. 45; Суриков, 2008, с. 71].

Многих исследователей это наводит на мысль не просто о корректировке, но о полноценной обработке Геродотом собранных сюжетов с целью придания им поэтического характера [Наууд, 2022, р. 226]. На этом особенно настаивают сторонники т. н. «школы лжеца», утверждающие, что подлинный метод Геродота вовсе не исторический, но художественный («*artistic, not historical*») [Fornara, 1971, р. 65].

Центральным из перечисленных является мотив спеси, гордыни (*ὑβρις*). По меткому определению И. Е. Сурикова, *ὑβρις* есть «дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка» [Суриков, 2018, с. 32].

По мнению Геродота, гордыня-*ὑβρις* может быть присуща от природы отдельным видам животных, городам, народам (в первую очередь варварским; например, скифам — I.106, персам — I.89). Но ярче всего проявляется она в действиях царей и тиранов. В известной сцене спора Отана, Мегабиза и Дария о политическом устройстве (III.80–86) Отан говорит о естественном родстве *μοναρχίῃ* и *ὑβρις*: «... если бы даже самый благородный человек был облечен такой властью, то едва ли остался бы верен своим прежним убеждениям. От богатства и роскоши, его окружающих, в нем зарождается высокомерие (*ἐγγίγνεται μὲν γάρ οἱ ὑβρις*), а зависть (*φθόνος*) и без того присуща человеческой натуре» (III.80).

Образ лидийского царя Креза удивительно сочетает в себе каждый из перечисленных выше мотивов. Крез был первым правителем, который разрушил существовавшую естественную границу — своего рода «стену» между миром эллинов и миром варваров (I.6). Причиной этому была как раз движущая Крезом спесь [Dewald, 2021, pp. 366–367].

Крез оба раза трактует полученные слова Оракула в свою пользу. «...если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство» (I.53), — конечно, Крез полагает, что речь о державе Ахеменидов. А слова «Коль над мидянами мул царем когда-либо станет» (I.55) лидийский царь понимает прямо, не догадываясь о том, что под мулом имеется в виду сын перса и мидянки — царь Кир.

Неверно понятое знамение толкает Астиага на мнимое убийство своего внука Кира. Подобным образом неверно истолкованный сон вскрывает страх и самого Кира о своей власти: на пике собственного могущества он убежден, что будет свергнут Дарием (I.209–210). Двумя главными причинами его похода на массагетов Геродот называет возвысившееся над человеческим самомнение Кира (*τὸ δοκέειν πλεόν τι εἶναι ἀνθρώπου*) и до сих пор сопутствующую ему в войнах удачу (*εὐτυχίῃ*) (I.204). Здесь мы также видим несомненное проявление ἔβρις.

Мудрый советчик Солон предостерегает Креза о переменчивом характере удачи: «ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило» (I.32). После своего падения Крез и сам становится своего рода мудрым советчиком у царя Кира [Суриков, 2008]. Дария и Ксеркса аналогично пытался убедить не переходить Дунай и Геллеспонт советчик Артабан (IV.83; VII.10). Египетский правитель Амасис предупреждает самосского тирана Поликрата о том, что удаче свойственно покидать людей (III.40–43, 125).

Артабан, советуя Ксерксу не переходить Геллеспонт, говорит: «... перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти божества. Ты видишь, как бог мечет свои перуны в самые высокие дома и деревья. Ведь божество все великое обыкновенно повергает во прах» (VII.10).

Пересечение естественных границ в сюжетах «Истории» о царях становится своего рода точкой невозврата, ибо оно, можно сказать, и есть вызов, брошенный божеству, момент нарушения божественного космизма мира, то есть самое чистое проявление ἔβρις. Как правило, в качестве этих границ выступают реки или проливы [Сапогов, 2015]. Переход Крезом Галиса, Киrom Аракса, Дарием Дуная, Ксерксом Геллеспонта — именно те моменты, после которых удача покидала царей.

На основании изложенного можно предположить, что Геродот поэтически связывает свои логосы о царях единой повествовательной структурой. В ее основе лежит вопрос о власти человека (даже такого могущественного, как восточный царь) над собственной судьбой.

Итак, образ восточного правителя в «Истории», как нам кажется, прекрасно иллюстрируют источники и методы Геродота Галикарнасского. Органической частью сюжетов о варварских монархах становятся сведения этногеографии и письменных источников. Вместе с тем образ варварских царей отражает основной источник Геродота — устные предания, собранные «отцом истории» в ходе его путешествий, многие из которых он явно подверг поэтической обработке.

Как точно выразился М. Л. Гаспаров: «Интерес Геродота к истории — это интерес, во-первых, к мотивам человеческих поступков (как правило, своекорыстным), а во-вторых, к угадыванию того предначертанного божественного плана, в который эти поступки должны укладываться...» [Гаспаров, 2021, с. 374]. Образы таких восточных правителей, как Крез, Кир, Дарий и Ксеркс, в «Истории» будто указывают: всякий человек, которому не прекращает сопутствовать удача, который обладает богатством и властью, который вторгается и ведет войны — такой человек неизбежно вызывает у богов зависть. Им у Геродота почти всегда оказывается варварский монарх. Историк словно

красной нитью через все сюжеты о восточных царях проводит важную мысль: человек, будь он даже всевластный деспот, над своей судьбой власти не имеет. Изменить уготованное Роком не поможет ни богатство, ни власть, ни мудрые советы, ни даже осознание своей безмерности.

Литература / References

- Белов В. В. К вопросу о персидских источниках Геродота. *XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ*. М., 2006. С. 281–288 [Belov V. V. On the Question of The Persian Sources of Herodotus. *XVI Annual Theological Conference of the Saint Tikhon's Orthodox University*. Moscow, 2006. Pp. 281–288 (in Russian)].
- Гаспаров М. Л. Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 1. М., 2021. С. 371–377 [Gasparov M. L. Incompleteness and Symmetry in Herodotus' Histories. *Collected works*. In 6 vols. Vol. 1. Moscow, 2021. Pp. 371–377 (in Russian)].
- Доватур А. И. *Повествовательный и научный стиль Геродота в VI–V вв. до н. э.* Л., 1957 [Dovatur A. I. *Narrative and scientific style of Herodotus in the VI–V centuries BC*. Leningrad, 1957 (in Russian)].
- Сапогов А. С. *Образ царской власти Ахеменидов у Ксенофонта*: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Саратов, 2007 [Sapogov A. S. *The Image of the Achaemenid Kingship in Xenophon*. Saratov, 2007 (in Russian)].
- Сапогов А. С. Кир и Крез у Геродота: проблема пересечения водных границ. *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2–3. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23751> [Sapogov A. S. Cyrus and Croesus in Herodotus: the Problem of Crossing Water Borders. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. № 2–3 (in Russian)].
- Суриков И. Е. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота). *История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова*. СПб, 2008. С. 67–82 [Surikov I. E. Quasi-Solon, or Croesus in Persian Captivity (On the Question of Herodotus' Narrative Skill). *Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshenii*. Saint-Petersburg, 2008. Pp. 67–82 (in Russian)].
- Суриков И. Е. Чему учила «диалогия» Софокла об Эдипе? *Hypothekai: Журнал научных статей по истории античной педагогической культуры*. 2018. № 2. С. 17–33 [Surikov I. E. What Did Sophocles' Oedipus "Dialog" teach? *Hypothekai*. 2018. No. 2. Pp. 17–33 (in Russian)].
- Balcer J. M. *Herodotus and Bisitun: Problems in Ancient Persian Historiography*. Stuttgart, 1987.
- Dewald C. Cyrus. *The Herodotus Encyclopedia*. Hoboken, 2021. Pp. 365–370.
- Flower M. Herodotus and Persia. *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 2007. Pp. 274–290.
- Fornara Ch. *Herodotus An Interpretive Essay*. Oxford, 1971.
- Geogres P. *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore, 1994.
- Haywood J. The Downfall of Croesus and Oedipus: Tracing Affinities Between Herodotus' Histories and Sophocles' Oedipus Tyrannus. *Classical World*. 2022. No. 3. Pp. 225–259.
- Lang M. *Biographical patterns of folklore and morality in Herodotus' History*. Michigan, 1944.